

МАРЕНА

ТЫ МОЙ ЯД

18+

МАРЕНА . Ты мой яд

<https://litres.ru/74305607>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — Саргас, высший вайпер, чей взгляд парализует волю.
Она — Элара, «пустая», невосприимчивая к его гипнозу.

Он купил её, чтобы сломать. Он хотел рабыню, но получил единственную женщину, на которую не действует его магия. И когда яд бессилён против разума, в ход идет первобытная страсть.

Кто первым упадет на колени: жертва или хищник, ставший заложником собственной жажды?

Вайпер / Властный герой / Одержимость

Содержание

От автора	4
Глава 1. Элара	5
Глава 2. Саргас	11
Глава 3. Элара	16
Глава 4. Саргас	20
Глава 5. Элара	24
Глава 6. Саргас	27
Глава 7. Элара	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ты мой яд

От автора

ОСТОРОЖНО: DARK FANTASY 18+

Здесь нет правых и виноватых. Здесь есть только хищник и его одержимость.

История содержит сцены жесткого доминирования, морального излома и порочной страсти, которая не знает слова «нет». Если вы не готовы к тому, что герой — монстр, а любовь похожа на яд, — не открывайте эту книгу.

Добро пожаловать туда, где тишина — это приговор.

Глава 1. Элара

Мир пах ржавчиной, запекшейся кровью и дешевым дурманом. Этот запах не просто витал в воздухе — он въедался под ногти, пропитывал кожу и, казалось, оседал серым налетом на самой памяти.

В распределительном центре «Сектора Ноль» никогда не было окон. Только бесконечные стены, покрытые склизкой плесенью, и тяжелый, липкий воздух, который едва протискивался в легкие, оставляя во рту привкус металла.

Я сидела на холодном бетонном полу, прислонившись затылком к шершавому камню. Моя шея горела — железная бирка с номером «402» впивалась в нежную кожу при каждом вдохе, напоминая о том, что от моего имени не осталось даже звука.

Отец всегда повторял, что наука — это единственный ключ к истинной свободе. Какая горькая ирония. Наука стала моей клеткой, моим приговором и моим проклятием. Его тайные записи, алхимические формулы и безумная одержимость идеей создать человека, невосприимчивого к магии высшей крови... всё это привело меня в эту яму.

— Лот четыреста два! Встать! — Голос надзирателя прозвучал подобно удару хлыста, отразившись от сводчатого потолка гулким эхом.

Я поднялась медленно, чувствуя, как затекшие мышцы от-

зываются тупой болью. Желудок сводило от голода, а пальцы подрагивали от холода, но я заставила себя выпрямить спину. Это было единственным, что у меня осталось — моя осанка и тот странный, пустой покой, который выстроил в моей голове отец, слой за слоем уничтожая мою чувствительность своими инъекциями.

Нас вывели на подиум. Ослепительный свет газовых рожков ударил по глазам, заставляя их слезиться.

Из вязкой темноты зала постепенно проступили лица покупателей — пестрая толпа, напоминавшая декорации к театру абсурда.

Внизу, в так называемой «яме», копошились мелкие лавочники и владельцы мануфактур, выискивавшие дешевую рабочую силу. Но выше, в ложах, затянутых тяжелым кроваво-красным бархатом, восседали они. Вайперы.

Их присутствие ощущалось кожей еще до того, как удавалось разглядеть их силуэты. Воздух в зале внезапно изменился, потеряв остатки тепла. В нос ударил тонкий, едва уловимый аромат горького миндаля — аромат их феромонов, невидимая сеть, которая в один миг накрыла всё пространство.

Я видела, как у мужчин в первых рядах расширились зрачки, становясь абсолютно черными. Женщины обмякали в своих креслах, их дыхание становилось прерывистым, а на лицах разливалась блаженная, почти идиотская улыбка. Это был массовый гипноз, коллективное опьянение волей хищ-

ников.

Я почувствовала, как эта невидимая волна коснулась моего сознания. Она должна была лишить меня воли, превратить в податливую куклу, готовую на всё ради одного взгляда господина. Но она просто соскользнула с моего разума, не найдя ни единой зацепки.

Внутри меня раскинулась выжженная земля, на которой не могло вырасти ни обожание, ни покорность. Спасибо, папа. Твои пытки в лаборатории действительно принесли плоды.

— Начинаем торги за лот четыреста два, — монотонно пробормотал аукционист, даже не глядя в мою сторону. — Дефектная особь. Полный иммунитет к внушению и гипнозу. Рекомендуются для тяжелых работ или опасных алхимических испытаний в качестве расходного материала...

В центральной ложе, расположенной прямо напротив подиума, кто-то пошевелился. Высокая тень отделилась от бархатной драпировки и выступила вперед.

Я узнала его мгновенно.

Саргас Моретти.

Его имя произносили шепотом в самых темных подворотнях города, оно было синонимом неотвратимой беды.

Он не смотрел на меня, а изучал толпу внизу с той ленивой грацией, с какой сытый кот изучает аквариум с золотыми рыбками. Безупречный черный сюртук сидел на нем как влитой, подчеркивая широкие плечи, а набалдашник его трости

в виде змеиной головы тускло поблескивал, ловя блики фонарей.

Внезапно он замер. Его голова чуть склонилась набок, словно он прислушивался к какому-то звуку, недоступному человеческому уху. Затем он сделал едва заметный жест рукой — короткое, небрежное движение, будто отгонял назойливое насекомое.

Это был приказ. Мощный ментальный импульс: «Склонись».

Волна чудовищной силы прокатилась по залу. Это было одновременно и страшно, и завораживающе. Все рабы на подиуме, стоявшие со мной в одном ряду, рухнули на колени одновременно, словно им в один миг подрезали сухожилия.

По залу пронесся коллективный выдох, и воцарилась абсолютная, звенящая тишина, в которой было слышно лишь яростное шипение газа в рожках.

Я осталась стоять.

Одна-единственная вертикальная линия в ряду коленопреклоненных теней. Мои босые ступни явственно ощущали ледяной холод камня, а сердце продолжало биться ровно — удар, второй, третий.

Я знала, что должна упасть.

Знала, что это единственный способ выжить — притвориться, исчезнуть, раствориться в массе покорного мяса. Но какая-то первобытная, темная гордость, возвращенная годами боли, не позволила мне согнуть колени.

Саргас Моретти медленно перевел свой взгляд на меня.

Его зрачки были узкими и острыми, как лезвия бритвы. Золотистая радужка вспыхнула холодным огнем, когда он попытался усилить давление. Я почувствовала легкое покалывание в висках — словно кто-то невидимый настойчиво пытался открыть запертую дверь, дергая за массивную ручку. Раз. Еще раз. Намного сильнее.

Я не отвела взгляд. Смотрела прямо в эти чудовищные, прекрасные глаза и видела в них свое отражение — маленькую, грязную девчонку с рыжеватыми волосами, которая посмела не подчиниться Богу этого города. В тот момент между нами протянулась невидимая нить, напряженная до предела.

— Пятьдесят тысяч золотых марок, — наконец произнес вайпер.

Его голос оказался низким, бархатистым, с тем самым вибрирующим подтоном, от которого у любого человека в зале по позвоночнику должен был пробежать парализующий мороз. Но на меня он подействовал иначе — как вызов.

Это не был голос покупателя, оценивающего товар. Это был голос хищника, который только что обнаружил добычу, способную на сопротивление.

— Продано... лорду Моретти, — заикаясь и захлебываясь словами, выдохнул аукционист, роняя свой молоток.

Саргас поднялся во весь рост. Он больше не смотрел на меня, когда выходил из ложи, его движения были полны хищного изящества. Он получил то, что хотел. А я поняла:

тишина в моей голове, которую я так долго и мучительно выстраивала, подошла к концу.

Глава 2. Саргас

Мир вокруг меня всегда был слишком шумным. Не в плане звуков — к грохоту паровых машин и визгу экипажей на мостовых города легко привыкнуть.

Я говорил о ментальном шуме. Для вайпера толпа людей подобна разверзшейся сточной канаве, наполненной липкими, зловонными испарениями их страхов, похоти и низменных нужд.

Я читал их желания раньше, чем они сами успевали их осознать.

Я чувствовал, как их пульс ускоряется при моем приближении, как их кожа покрывается испариной, а разум превращается в податливый воск, стоит мне лишь слегка коснуться их воли своими феромонами.

Это было скучно и до тошноты предсказуемо.

В аукционный зал «Сектора Ноль» я зашел лишь потому, что вечер обещал быть невыносимо долгим, а мой осведомитель сообщил о партии редких алхимических солей, изъятых у какого-то неудачливого химика.

Мне требовалось что-то, способное хоть немного разогнать кровь, заставить мое сердце биться чаще, чем сорок ударов в минуту.

Я сидел в ложе, скрытый тенью тяжелого бархата, и лениво наблюдал за тем, как человеческий мусор сменяет друг друга

на подиуме.

Воздух в зале был спертым, пропитанным запахом пота и дешевого алкоголя, но стоило мне сделать глубокий вдох, как я почувствовал собственное присутствие — тонкий, ядовитый аромат миндаля, который я непроизвольно выделял, заполняя пространство вокруг себя.

Я видел, как люди внизу начали «плыть». Их движения замедлялись, а взгляды стекленели. Они становились послушными тенями самих себя.

А потом вывели её.

Лот номер четыреста два. Она выглядела жалко даже по меркам этого места: грязное рабочее платье, спутанные волосы цвета засохшей крови, босые ноги на холодном камне. Но когда она подняла голову, я почувствовал странный толчок где-то под ребрами.

Аукционист что-то мямлил о «дефекте», о «невосприимчивости». Мои сородичи в соседних ложах презрительно кривились — для них раб, который не чувствует господина, был бесполезным куском мяса.

Но я смотрел глубже. Вглядывался в тепловой контур её тела. Обычно люди вспыхивали алым и оранжевым при виде вайпера — их кровь закипала от смеси ужаса и навязанного возбуждения. Она же оставалась холодной. Ровное, бледно-голубое свечение спокойствия.

Мне стало любопытно. Это было похоже на вызов, брошенный в лицо самой моей природе.

Я поднялся, ощущая, как чешуя на предплечьях подкрадывается к запястьям, становясь жесткой и холодной под тканью сюртука.

Я не хотел просто купить её. Я хотел проверить её на излом. Мой ментальный приказ — «Склонитесь» — был не просто командой, это был сокрушительный удар воли, отточенный десятилетиями доминирования. Я вложил в него достаточно силы, чтобы поставить на колени даже молодого вайпера, не говоря уже о человеческой девчонке.

Гулкий звук ударов коленей о камень пронёсся по залу, словно залп из винтовок. Ряд рабов рухнул. Пыль взметнулась вверх, подсвеченная зеленым газом фонарей.

Но она осталась стоять.

Я замер, вцепившись пальцами в набалдашник трости так сильно, что серебро жалобно скрипнуло. Девчонка стояла прямо, как тонкая стальная игла, застрявшая в горле этого города. В её разуме, где у каждого человека должен был бушевать шторм, царила абсолютная, звенящая тишина. Никакого «фона». Никакого страха.

Я усилил давление и направил весь свой «яд», всю свою магическую эссенцию прямо ей в зрачки. Мои собственные глаза наверняка вспыхнули золотом, выдавая мою ярость.

Я буквально царапал её сознание, пытаюсь найти хоть одну брешь, хоть одну щель, в которую можно было бы просунуть острие своего внушения. Я хотел увидеть, как её зрачки расширятся, как она всхлипнет и упадет к моим ногам,

признавая мое превосходство.

Она не отвела взгляда. Более того — в её серых, пустых глазах я прочитал нечто такое, что заставило мой нутро напряженно замереть.

Это была насмешка. Глубокая, осознанная насмешка существа, которое знало о моих возможностях всё и не считало их чем-то стоящим.

Моё раздражение мгновенно сменилось обжигающим, хищным интересом. За всю мою долгую жизнь я впервые встретил «пустую» такой глубины. Она была не просто дефектом — она была аномалией. Моим личным антидотом.

— Пятьдесят тысяч золотых марок, — мой голос прозвучал низко, вибрируя от едва сдерживаемого азарта.

Я видел, как вздрогнул аукционист, как поползли шепотки по залу. Сумма была абсурдной. За эти деньги можно было купить десяток элитных наложниц или целый квартал в нижнем городе, но мне было плевать.

Мне нужна была эта тишина. Я хотел обладать этим спокойствием, препарировать его, разобраться, из чего оно состоит, и, в конце концов, уничтожить его, заменив своим собственным влиянием.

Когда я выходил из ложи, я чувствовал её взгляд на своей спине. Он не жег, как взгляды других, а охлаждал, словно прикосновение льда.

Мои чувства обострились до предела. Я уже представлял, как привезу её в свой особняк, как запру в комнате с мягким

светом и буду наблюдать за ней часами, пытаясь уловить хоть одно изменение в её пульсе.

— Лорд Моретти, машина подана, — прошептал мой секретарь у выхода, не смея поднять глаз.

Я молча кивнул, не удостоив его взглядом. Мои мысли были заняты другим. Я размышлял о том, что её отец-алхимик был гением... или законченным безумцем.

Создать нечто столь невосприимчивое к нам, хозяевам этого мира, было актом высшего кощунства. И я собирался лично проверить, насколько глубоко пустили корни его эксперименты.

Теперь эта девчонка принадлежала мне. Юридически и физически. Но я знал, что её разум всё еще находится за той дверью, которую я не смог открыть. И это делало предстоящую игру самой захватывающей в моей жизни.

Я сел в экипаж, обитый черным шелком, и прикрыл глаза. В темноте перед моим внутренним взором всё еще стояла эта тонкая фигура на подиуме.

«Ну что же, Элара Вейн, — подумал я, пробуя на вкус её имя, которое только что прочел в документах. — Посмотрим, как долго твоя тишина продержится против моего голода».

Глава 3. Элара

Переезд в поместье Саргаса Моретти стерся в моей памяти в череду серых, липких отпечатков.

После того как молоток аукциониста вынес мне приговор, меня небрежно передали в руки двоих конвоиров. Они вели себя со мной подчеркнуто осторожно, словно я была не человеком, а флаконом с нестабильной кислотой, который мог взорваться от неосторожного встряхивания.

На меня не надели кандалы — в этом не было нужды. «Сектор Ноль» охраняли стены, а за ними начинался город, где одинокая женщина с клеймом на шее не протянула бы и часа.

Меня затолкнули в закрытый экипаж, обитый изнутри тяжелым, пахнущим плесенью сукном. Окна были закрашены черной краской, лишая меня возможности понять, куда меня везут.

Колеса глухо стучали по брусчатке, и этот ритм убаюкивал, вытягивая из меня последние силы. Я закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на тишине внутри своей головы.

Мой отец называл это «Черной комнатой» — местом, где я могла спрятаться от любой боли, любого внешнего давления, но сегодня стены этой комнаты казались тонкими, как папиросная бумага. Сквозь них просачивался запах горького миндаля.

Когда дверца экипажа наконец открылась, ночной воздух обжег мои легкие. Мы стояли перед массивными железными воротами, за которыми в глубине парка возвышался особняк.

Он не был похож на те пышные дворцы аристократов, которые я видела в центре города. Это было здание из темного камня, строгое, почти аскетичное, с высокими узкими окнами, в которых горел холодный зеленоватый свет.

— Иди вперед, — скомандовал один из охранников, подталкивая меня к дверям.

Холл поместья встретил меня тишиной и запахом воска. Здесь не было ни лакеев, ни суеты. Только бесконечные ряды книжных полок, уходящие под самый потолок, и мраморный пол, в котором мое отражение казалось призрачным и изломанным.

— Поднимись на второй этаж. Третья дверь направо. Хозяин ждет тебя для инспекции, — бросил мне охранник, прежде чем исчезнуть за тяжелой дубовой дверью.

Я стояла одна посреди этого холодного великолепия. Мои грязные, израненные ступни оставляли мутные следы на белом мраморе.

Инспекция. Это слово звучало как медицинский термин, как нечто сухое и беспощадное.

Я медленно поднялась по лестнице, чувствуя, как каждый шаг дается мне всё труднее.

У нужной двери я замерла. Моя рука, занесенная для сту-

ка, мелко дрожала. Я глубоко вздохнула, пытаюсь восстановить контроль, и толкнула тяжелую створку.

Комната оказалась огромным кабинетом, освещенным лишь несколькими лампами под зелеными абажурами.

Саргас сидел за массивным столом, склонившись над какими-то чертежами. Он сменил сюртук на простую белую рубашку с расстегнутым воротом, рукава которой были засучены до локтей.

Я замерла у порога. Без официальной одежды он казался еще более опасным. Теперь я видела, что под тонкой тканью рубашки перекачивались тугие, сильные мышцы. Его тело напоминало сжатую пружину — гибкое, атлетичное и лишённое всякой неповоротливости.

В его движениях, когда он медленно поднял голову, не было никакой слабости — только скрытая мощь хищника, который точно знал, когда именно нужно нанести удар.

Он молча рассматривал меня в течение нескольких минут. Его взгляд медленно скользил по моему лицу, по спутанным волосам, задерживаясь на отпечатке железной бирки на шее.

Я чувствовала, как по комнате начинает распространяться его присутствие. Это не было гипнозом — он даже не пытался давить на мой разум. Это было чисто физическое ощущение холода и опасности, исходившее от его сильного, тренированного тела.

— Подойди ближе, Элара, — произнес он, и его голос в

тишине кабинета прозвучал как рокот далекого грома.

Я сделала три шага вперед. Теперь между нами было не больше метра. Я видела тонкую чешую, проступающую на его предплечьях, и золотистые искры в его глазах.

— Ты выглядишь... жалко, — его губы тронула едва заметная, жесткая усмешка. — Но твои глаза всё еще отказываются опускаться. Скажи мне, что ты чувствуешь сейчас?

— Холод, — ответила я, и мой голос удивил меня своей твердостью. — И желание помыться.

Саргас внезапно рассмеялся. Это был короткий, сухой звук, лишенный веселья. Он поднялся из-за стола, и я невольно сделала шаг назад.

Вайпер был выше, чем казался, и его близость подавляла. Он не сделал ни одного лишнего движения, его походка была бесшумной и плавной, как у большой кошки.

— Смело, — он протянул руку и кончиками пальцев коснулся моей щеки, его кожа была ледяной, но прикосновение — удивительно уверенным и сильным. — У тебя будет возможность и помыться, и согреться. Но помни: в этом доме нет тишины, которую бы не контролировал я.

Я смотрела в его вертикальные зрачки, чувствуя, как внутри моей «Черной комнаты» начинает рушиться потолок, потому что Саргас не пытался сломать мою волю — он просто демонстрировал свое право владения. И в этом сильном, гибком теле, стоявшем напротив меня, было гораздо больше угрозы, чем в любых кандалах «Сектора Ноль».

Глава 4. Саргас

Она стояла посреди моего кабинета, подставив лицо холодному свету лампы, и в её облике было нечто кошмарное.

Грязная, изможденная, пахнувшая сыростью и безнадёгой распределителя — она должна была вызывать лишь брезгливость. Но вместо этого я ловил себя на том, что разглядываю её с жадностью естествоиспытателя, нашедшего новый вид ядовитого гриба.

Мой дом всегда был моей крепостью, выстроенной на фундаменте абсолютного контроля. Каждый скрип половицы, каждое колебание воздуха, каждая эмоция немногочисленной прислуги — всё это принадлежало мне.

Я привык к тому, что пространство вокруг меня подстраивается под мой ритм, затихая и сжимаясь. Но Элара Вейн вошла в эти стены как инородное тело, как острый осколок стекла, вонзившийся в безупречно гладкую поверхность.

Я откинулся на спинку кресла, вспоминая о том, как она вздрогнула от моего прикосновения. Её кожа была теплой — раздражающе, вызываяще горячей на фоне моей вечной прохлады. Это тепло казалось мне чем-то инвазивным. Я чувствовал его даже на расстоянии нескольких дюймов, и моя хищная натура, заточенная под терморцепцию, невольно фокусировалась на пульсации её сонной артерии там, где

совсем недавно край железной бирки касался нежной плоти.

— Холод и желание помыться, — повторил я её слова, пробуя их на вкус.

Дерзость. Чистая, неразбавленная страхом дерзость. Любая другая на её месте уже ползала бы у моих ног, захлебываясь в экстазе от моих феромонов, или забилась бы в угол, парализованная ужасом. Она же стояла прямо, и её серые глаза были подобны грозовому небу над океаном — холодные, глубокие и абсолютно непроницаемые.

Я снова встал, медленно обходя стол. Я чувствовал, как мои мышцы перекачиваются под кожей с непривычной легкостью. В присутствии «пустой» мои чувства обострились до болезненного предела.

Обычно я воспринимал людей как размытые пятна эмоций, но Элару я видел с пугающей четкостью: каждую ворсинку на её разорванном платье, каждую капельку пота на лбу, каждый оттенок её рыжеватых волос.

Я подошел вплотную, намеренно нарушая её личное пространство. Мне хотелось увидеть, как дрогнет этот фасад спокойствия. Я был намного выше, сильнее; моё тело, вышколенное годами тренировок, источало скрытую угрозу.

Я видел, как расширились её зрачки — биологическая реакция, которую она не могла подавить, — но её взгляд остался прикован к моему.

— Ты думаешь, что твоя невосприимчивость — это твоя броня, Элара, — произнес, понизив голос до той частоты,

которая заставляла хрусталь в шкафах жалобно звенеть. — Ты думаешь, что если я не могу заставить твой разум подчиниться, то я бессилен.

Я протянул руку, не касаясь её, но проводя ладонью в считанных миллиметрах от её шеи. Я чувствовал жар, исходящий от её тела, и этот контраст пьянил сильнее, чем самый дорогой коньяк. Мои пальцы замерли у отпечатка той самой бирки «402».

— Но тело... тело всегда честнее разума. Кровь не умеет лгать. Она ускоряется, когда тебе страшно, и закипает, когда ты чувствуешь... нечто иное.

Видел, как судорожно дернулись ее губы. Она не ответила, но я услышал, как сбилось её дыхание.

Это было моей маленькой победой.

Я не использовал гипноз, не применял ментальное давление — это была чистая химия и физика. Я хотел, чтобы эта девчонка осознала: в этом доме она не просто гость или инструмент. Она — объект моего исследования, и я не успокоюсь, пока не разберу её по винтикам.

— Уходи, Элара Вейн. Ванна готова. Мои люди проводят тебя в твои покои. Завтра утром мы начнем... — я сделал паузу, наслаждаясь моментом. — Начнем определять границы вашей «пустоты».

Она кивнула, коротко и резко, и развернулась, чтобы уйти. В её походке, несмотря на усталость, была та же стальная грация, что и на подиуме. Я смотрел ей вслед, пока тяжелая

дверь не закрылась, отсекая её тепло от моего кабинета.

В комнате снова воцарилась тишина, но теперь она казалась мне пустой и безвкусной.

Я подошел к окну, глядя на то, как зеленый свет уличных фонарей борется с туманом. Мои руки всё еще помнили то мимолетное тепло её щеки.

Отец Эллары пытался создать идеальное оружие против моего рода. И он действительно создал женщину, разум которой нельзя поработить. Но он забыл об одной важной детали: вайперы — это не только магия. Мы — охотники. И ничто так не распаляет азарт охотника, как добыча, которая уверена, что ей нечего бояться.

Я коснулся своей шеи, где под воротником скрывался старый шрам, и криво усмехнулся. Эта игра обещала быть долгой. И я собирался насладиться каждой секундой её сопротивления.

Глава 5. Элара

Ванная комната в покоех, которые мне отвели, была похожа на святилище из белого мрамора и начищенной меди. Пар стоял такой густой, что очертания предметов расплывались, превращаясь в призрачные тени.

Я содрала с себя грязное рубище, которое когда-то называлось платьем, и швырнула его в угол, словно сбрасывала старую, изъеденную червями кожу.

Когда я погрузилась в горячую воду, из горла вырвался невольный вскрик, больше похожий на рычание. Боль от ран и ссадин сначала вспыхнула с новой силой, а затем медленно начала растворяться, сменяясь блаженным оцепенением.

Я терла свою кожу жесткой мочалкой до тех пор, пока она не стала пунцовой, пытаюсь смыть не только грязь «Сектора Ноль», но и ощущение ледяных пальцев Саргаса Моретти на своей щеке.

Но его присутствие невозможно было смыть водой. Оно пропитало этот дом, висело в воздухе вместе с паром и таилось в тяжелых складках бархатных портьер.

Закончив, я вышла из воды и замерла перед огромным зеркалом. На моей шее красовался багровый след от железной бирки — клеймо, которое не исчезнет ни завтра, ни через неделю.

Я надела оставленную для меня сорочку из тончайшего

шелка. Ткань была такой невесомой, что казалась издевательством; она не защищала, а лишь подчеркивала мою уязвимость.

Моя спальня была обставлена с тем же мрачным изяществом, что и весь особняк. Огромная кровать под балдахинном казалась черной дырой посреди комнаты. Я задула лампу, надеясь, что темнота принесет покой, но стоило мне лечь, как чувства обострились до предела.

Я не слышала шагов, не слышала дыхания, но я знала, что он смотрит.

Это было не то ментальное давление, которому меня учил противостоять отец. Это было нечто первобытное, идущее от позвоночника.

Я чувствовала на себе взгляд Саргаса так отчетливо, словно он касался моей кожи физически.

В стенах были скрытые щели?

Или он использовал свое тепловое зрение сквозь перегородки?

Я лежала неподвижно, уставившись в потолок, и слушала, как бешено колотится мое сердце. Раз, два, три. Оно предавало меня. Мой пульс ускорялся не от гипноза, а от осознания того, что в этом доме я больше не принадлежала себе.

Я была «пустой» для его магии, но оставалась женщиной из плоти и крови для его хищного, сильного тела.

В какой-то момент я почувствовала, как по комнате пронесся едва уловимый сквозняк. Запах горького миндаля стал

гуще, почти осязаемым. Я приподнялась на локтях, всматриваясь в тени по углам.

— Вы здесь? — прошептала я.

Мой голос дрогнул, и я ненавидела себя за эту слабость.

Тишина была ответом. Но это была не та мертвая тишина подземелья. Это была тишина затаившегося зверя, который наблюдает за добычей из зарослей.

Я поняла, что Саргас не собирается ломать меня быстро. Он собирался изматывать меня своим присутствием, приучать к своему запаху, к своему незримому контролю. Он хотел, чтобы я сама начала искать его взгляда, чтобы пустота в моей голове заполнилась его образом.

Я снова легла, плотно зажмурившись. Вспоминала уроки отца и его холодный голос: «Элара, ты — крепость. Никто не войдет, если ты не откроешь ворота». Но отец не предупредил меня, что осада может быть такой тихой. И что стены крепости могут начать плавиться от одного лишь осознания, что за ними стоит хищник, который никуда не торопится.

Сон пришел внезапно, тяжелый и душный. Мне снилось, что я тону в море черного шелка, а из глубины на меня смотрят золотистые глаза с вертикальными зрачками.

И самое страшное в этом сне было не то, что я тонула, а то, что не хотела спастись.

Глава 6. Саргас

Я стоял в потайной галерее, отделенной от её спальни лишь рядом фальшивых панелей и тонкой медной сеткой, скрытой за гобеленом.

В этом доме не было тайн от меня, но впервые за долгие годы я использовал свои привилегии не ради безопасности, а ради удовлетворения зудящего, почти болезненного любопытства.

В темноте мои чувства работали иначе. Я закрыл глаза, позволяя визуальному миру исчезнуть, и переключился на терморцепцию. Стены остывали, отдавая дневное тепло, но в центре комнаты, на огромной кровати, пульсировало яркое, живое пятно. Элара.

Она была похожа на раскаленный уголь, брошенный в снег. Я видел ритмичное движение её грудной клетки, видел, как кровь, разогретая горячей ванной, прилиwała к её коже, окрашивая её контур в глубокие оранжевые и алые тона.

Но что-то в этом зрелище было неправильным.

Обычно, когда я наблюдал за спящими людьми, их фон был замусорен остатками дневных тревог, обрывками мыслей, которые выплескивались в пространство мягким, хаотичным свечением.

Вокруг Элара была пустота. Вакуум.

Это завораживало и пугало одновременно. Она спала, её

сознание было отключено, но броня, воздвигнутая её отцом, продолжала работать. Никаких ментальных утечек. Никаких эманаций. Она была как черная дыра в магическом спектре — поглощала всё и не отдавала ничего.

Я медленно провел ладонью по холодной стене, представляя, что касаюсь её плеча. Моё тело отозвалось странным напряжением. Я не был мутантом с горой мышц, но каждый дюйм моей плоти был заточен под охоту, и сейчас мой внутренний хищник сходил с ума.

Моя спортивная, гибкая натура требовала действия, требовала физического подтверждения того, что эта женщина реальна, а не является плодом моего воображения.

Я услышал её шепот: «Вы здесь?»

Её голос был тихим, надтреснутым, в нем плескалась смесь страха и чего-то похожего на ожидание.

Я замер, перестав дышать. Моё сердце сделало один тяжелый удар и затихло. Она чувствовала меня. Не магией, не гипнозом — её инстинкты оказались острее, чем я предполагал.

Я намеренно выпустил чуть больше феромонов. Запах горького миндаля должен был заполнить комнату, просочиться сквозь щели, окутать её невидимым саваном. Я хотел увидеть, как её тело отреагирует на этот химический приказ расслабиться и подчиниться.

Ничего.

Её пульс на мгновение ускорился, но затем снова выров-

нялся. Она просто перевернулась на другой бок и затихла. Мой яд, который мог свалить быка или заставить самую целомудренную монахиню молить о пощаде, просто разбился о её кожу, не оставив даже следа.

Это было невыносимо. И это было великолепно.

Я вышел из галереи и направился в свой кабинет, но сон не шел ко мне. Я мерил комнату шагами, чувствуя, как сила бурлит в моих жилах. Я был силен, я был быстр, я был хозяином этого города, но прямо сейчас я чувствовал себя нищим перед закрытой дверью сокровищницы.

Завтра я начну тесты. Я не буду использовать ментальные трюки — они бесполезны. Я буду использовать физику. Заставлю её работать в моей лаборатории, буду находиться рядом, буду касаться её под предлогом замеров. Потому что хочу знать, где заканчивается её «пустота» и начинается её плоть.

Если я не могу взломать её разум, то заставлю тело предать её. Найду ту точку, где её кровь закипит не от магии, а от моего присутствия, потому что вайперы никогда не сдаются. Мы просто меняем тактику.

Я подошел к окну и посмотрел на бледную луну, скрытую туманом. Элара Вейн думала, что спаслась от «Сектора Ноль», но она не понимала, что попала в гораздо более опасное место.

Там её хотели просто использовать. Я же хотел её разгадать. А когда вайпер разгадывает тайну, он обычно уничто-

жает её источник, чтобы никто другой не смог к ней прикоснуться.

Но с ней... с ней мне хотелось чего-то иного. Мне хотелось, чтобы тишина в голове этой девчонки однажды произнесла моё имя. Не потому, что я приказал, а потому, что она не смогла промолчать.

Глава 7. Элара

Утро в особняке Моретти не принесло облегчения. Оно лишь высветило то, что темнота милосердно скрывала: мою полную изоляцию.

Горничная, появившаяся на пороге с рассветом, была безмолвной, как тень. Она принесла одежду — платье из плотного серого шелка, закрытое до самого подбородка, с длинными узкими рукавами. Оно облегало тело, словно вторая кожа, не оставляя места для маневров.

Когда застегивала бесконечный ряд мелких пуговиц на запястьях, я чувствовала себя солдатом, надевающим доспехи перед безнадежным боем.

Меня привели в подземный уровень особняка. Здесь не было сырости «Сектора Ноль». Напротив, лаборатория Саргаса была верхом инженерного совершенства: блеск хрома, тихий гул работающих механизмов, стерильный запах озона и тонкий, едва уловимый аромат горького миндаля, который здесь, казалось, впитался в сами стены.

Саргас уже ждал меня. Он стоял у длинного стола, заставленного сложной стеклянной аппаратурой. На нем не было сюртука, только тонкая черная рубашка, которая подчеркивала разворот плеч и ту силу, что таилась в его гибком теле.

— Твой отец был гением, Элара, — произнес вайпер, не оборачиваясь. Его голос в замкнутом пространстве лабора-

тории вибрировал, заставляя жидкость в пробирках мелко дрожать. — Но он совершил ошибку. Он думал, что «пустота» — это конечное состояние. Я же считаю, что это лишь барьер, который имеет свой предел прочности.

Мужчина медленно повернулся. Его золотистые глаза с вертикальными зрачками вспыхнули, когда он зафиксировал мой пульс. Я знала, что он видит мои тепловые контуры, видит, как кровь приливает к моим щекам от невольного раздражения.

— Сегодня мы проверим, насколько глубоко зашел его эксперимент, — Саргас сделал шаг ко мне.

Его движения были плавными, бесшумными, лишенными какой-либо суеты.

— Ты будешь помогать мне в синтезе эссенции, поэтому физический контакт неизбежен. Надеюсь, ты не слишком брезглива.

Работа началась. Это была изощренная пытка близостью. Он приказывал мне держать сосуды, переливать реактивы, подавать инструменты.

Каждый раз, когда наши руки сталкивались, я ощущала удар тока. Его кожа была ледяной, но в этом холоде чувствовалась такая мощь, что у меня перехватывало дыхание.

Саргас намеренно создавал ситуации, где мы оказывались слишком близко. В какой-то момент он встал за моей спиной, чтобы направить мою руку к горелке.

Я почувствовала его жар — не тепло тела, а ту самую хищ-

ную энергию, которую он излучал. Его дыхание коснулось моей шеи, как раз там, где всё ещё алел след от бирки.

— Ты дрожишь, — прошептал он мне прямо в ухо, и его низкий голос вызвал во мне странную, пугающую вибрацию. — Твой разум молчит, Элара, но твои мышцы напряжены. Твое сердце стучит быстрее, а тело кричит о том, что оно меня боится. Или... хочет.

Я резко развернулась, едва не сбив штатив. Мы оказались лицом к лицу. Расстояние между нами сократилось до нескольких сантиметров. Я видела каждую чешуйку, проступившую на его скулах, видела, как расширяются его зрачки, поглощая золото радужки.

— Мое тело реагирует на опасность, лорд Моретти, — выдохнула, глядя ему прямо в глаза. — Как и у любого животного существа, оказавшегося в одной клетке с хищником. Не принимайте инстинкт выживания за нечто иное.

Его рука внезапно взметнулась и перехватила мое запястье. Его пальцы, длинные и невероятно сильные, сомкнулись на моей руке, как стальной обруч. Я дернулась, но он даже не шелохнулся. Он был атлетичен и гибок, его сила была концентрированной, почти неестественной.

— Опасность? — он медленно потянул меня к себе, заставляя прижаться к его груди, и через тонкий шелк рубашки я почувствовала твердость его мышц. — Ты даже не представляешь, что такое настоящая опасность, «пустая» девчонка. Ты думаешь, что если твой мозг не реагирует на мой зов,

ты в безопасности?

Он склонился ниже, его лицо было в паре миллиметров от моего. Я чувствовала концентрированный запах яда, от которого у любого другого уже помутилось бы сознание. Но я стояла и смотрела на него, отказываясь закрывать глаза.

Мое тело предавало меня — внизу живота завязался тугой, горячий узел, а колени стали ватными, но мой взгляд оставался стальным.

— Я не боюсь вашего яда, Саргас, — прошептала, чувствуя, как его ледяная рука скользит вверх по моему предплечью, оставляя за собой след из огня.

— Яд — это лишь инструмент, — его голос стал совсем тихим, почти нежным, и от этого стало еще страшнее. — Я научу тебя бояться не моей магии. Я научу тебя бояться самой себя.

Он отпустил мое запястье так же внезапно, как и схватил. Я пошатнулась, хватаясь за край стола. Саргас же остался стоять, безупречно спокойный, с той самой хищной усмешкой на губах.

Первая трещина в моей броне была сделана. И он это

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.